

A
Б874

На правах рукописи

БРАНДТ ГАЛИНА АНДРЕЕВНА

**ПРИРОДА ЖЕНЩИНЫ КАК ПРОБЛЕМА
ТЕОРИИ ФЕМИНИЗМА:
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.03 — история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

В. Брандт

Научная библиотека
Уральского
Государственного
Университета

Екатеринбург
2000

Работа выполнена на кафедре истории философии Уральского государственного университета и на кафедре философии Уральского государственного технического университета.

Научный консультант — доктор философских наук, профессор В.Е. Кемеров.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор М.М. Шитиков;
доктор философских наук, профессор Л.А. Мясникова;
доктор философских наук, профессор И.А. Серова.

Ведущая организация:

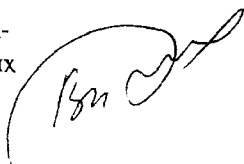
Уральская государственная медицинская академия.

Защита состоится 22 июня 2000 г. в 15 час на заседании диссертационного совета Д.063.78.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора философских наук в Уральском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете им. А.М. Горького (620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета.

Автореферат разослан «18» мая 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета, доктор философских наук,
профессор

В.И. Плотников

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования обусловлена потребностями как социально-практического, так и философско-теоретического плана.

Жизнь женщины в современном мире претерпевает изменения фундаментального характера. Известный девиз античности: «Дом -- мир женщины, мир -- дом мужчины», соответствующий в общем и целом реальной ситуации более двух с половиной тысячелетий, в XX веке стремительно теряет свою актуальность. Женщина приходит в мужской мир, в каждой стране этот процесс происходит по-разному, но везде он расшатывает привычные, казавшиеся вечными представления, ставит новые неожиданные вопросы. И, может быть, самым главным, самым кардинальным является как раз вопрос о женской природе.

Вопрос этот, чисто философский по существу, -- не только вопрос теории. Общественные представления о природе женщины определяют в конечном итоге всю ее социальную жизнь: ее права и обязанности, ее роль в семье и профессии, ее место во всех сферах социокультурного пространства -- науке, культуре, политике, государственном управлении. Сегодня, к сожалению, нельзя сказать, что место, занимаемое женщиной в обществе, соответствует ее реальным возможностям. Как записано в одном из программных документов Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации: «Исторически сложившаяся организация управленческой пирамиды, ориентированная преимущественно на мужчин, не отражает реально складывающийся сегодня баланс общественных сил, новые роли мужчин и женщин, возможность влияния женщин на дела обще-

ства, государства, семьи, не позволяет обеспечить правильную социальную ориентацию развития гражданского общества и его демократизацию... Согласно данным государственной статистики, женщины составляют большинство населения -- 53%, почти половину работающих -- 47% и ничтожное меньшинство среди руководителей всех рангов. Иными словами, составляя большую часть населения России, женщины не имеют реальной возможности в полной мере участвовать в принятии решений, определяющих как условия их собственной жизни, так и будущее страны¹.

Кроме того, внутренний мир современной женщины, ее самочувствие в повседневной жизни очень зависит от того, насколько она соответствует тому образу «нормальной», «правильной» женщины (т.е. соответствует своей «природе»), который бытует в общественном сознании. В современной России эта потребность «соответствовать» обострена особенно, поскольку стремление советского государства к стиранию всяческих граней коснулось достаточно основательно и сферы пола. В результате этих социальных экспериментов современные представления людей о природе женщины оказались противоречивыми, хаотично сочетающимися в себе, с одной стороны, идеи декларированного в советскую эпоху равенства, с другой, -- архаичные представления о природе и предназначении женщины в дореволюционной России и, с третьей, -- образы, ориентирующиеся на западный секс-символ. Однако очевидно, что ни одна из этих тенденций не может претендовать на решение вопроса, поскольку первая дискредитировала себя в советский период, а две других -- возвращение женщины к «исконно-природному предназначению» или редукция ее природы до объекта

---

¹ Информационно - аналитический материал о численности и составе женщин, занятых в федеральных и региональных органах государственной власти. М., 1998. С. 3

сексуального наслаждения -- в той же мере непродуктивны, в какой утопичны.

Теоретическая актуальность темы вырастает из практической, поскольку очевидно, что вопрос о женской природе, казавшийся когда-то уже решенным, вновь требует своего осмысления с учетом нового опыта жизни женщины. Во многих странах процесс данного осмысления протекает в общественном сознании уже достаточно долго и продуктивно, женщина сегодня оказывается одним из наиболее пристально изучаемых на Западе предметов междисциплинарных и кросскультурных исследований. В России подобные процессы находятся в зачаточном состоянии. Поэтому рассматривать сегодня вопрос о природе женщины без учета того теоретического багажа, который накоплен в работах западных исследователей, невозможно. Достижения в этой области теории феминизма позволяют отнести ее к фундаментальным тенденциям современного общественного сознания, поскольку постановка в данной теории вопроса о природе женщины и разработка тех культурных перспектив, которые возникают в результате реализации возможностей женской природы, могут существенно повлиять на изменение всего внутреннего строя социокультурного пространства человеческого бытия.

Степень разработанности проблемы. Тема женской природы проходит через всю историю европейской философии. И хотя для подавляющего большинства мыслителей тема эта была из разряда третьестепенных, все же достаточно многие из них выразили свое отношение к ней. Она рассматривалась специально в работах Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Эразма Роттердамского, М. Монтеня, Ж.-Ж. Руссо, И. Канта, Ф. Энгельса, О. Вейнингера, Г. Зиммеля, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, З. Фрейда, К. Юнга, Э. Фромма и других.

Надо заметить, что тема эта в ее историко-философском становлении в российской науке практически не исследована. Современные авторы при рассмотрении социокультурного образа женщины, как правило, ограничиваются лишь ссылками на отдельные цитаты из произведений философов, попытки же каким либо образом систематизировать взгляды философов на этот вопрос практически не предпринималось.

Исключение в этом смысле представляет лишь традиция русской религиозной философии «серебряного века», где тема женщины и женственности оказалась едва ли не одной из ведущих: много страниц ей посвящено в трудах Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Розанова, С. Соловьева, Д. Мережковского, А. Белого, П. Флоренского и других. В работах современных российских исследователей А. Новикова, О. Рябова, Т. Осипович представлен обзорный анализ рассматриваемой темы в философии серебряного века, но анализ этот носит автономный характер, без включения в европейский историко-философский контекст.

В советский и постсоветский период тема природы женщины стала одной из самых популярных в публицистике, теле- и радиожурналистике, что же касается философской теории, то она затрагивалась попутно, в работах, посвященных современной теории феминизма -- здесь могут быть названы исследования С. Айвазовой, Н. Габриэлян, О. Ворониной, И. Жеребкиной, Т. Клименковой, И. Кона, Н. Мухлыниной, С. Некрасова, А. Темкиной, Н. Юлиной, С. Ушакина, -- но не становилась предметом специального рассмотрения.

Что касается западной литературы по данной теме, то она настолько многочисленна и многообразна, что сделать сколько-нибудь полный ее обзор просто невозможно, хотя вся эта литература датируется (за небольшим исключением) тремя последними десятилетиями. Исследователи интересуются рассматриваемой проблемой в различ-

ных аспектах, разные, порой противоположные позиции высказываются в работах Ю. Аллен, Дж. Батлер, Дж. Бенджамен, С. Де Бовуар, К. Гиллиган, Д. Гримшоу, С. Гриффин, Л. Иригарэй, Ю. Кристевой, С. МакМиллан, К. Миллет, А., А. Розенхольм, Х. Сиксу, С. Фарейстоу, Б. Фридан, Н. Ходоров, Н. Холмсторм, К. Хорни, Е. Шаултер и других. Надо заметить, что весь этот пласт литературы еще не освоен в российской философии, да и общественном знании вообще. Однако введение содержания поисков западных авторов в поле зрения российской гуманитарной науки представляется необходимым, поскольку вопрос о женской природе ставится и рассматривается в работах этих авторов с позиций современного опыта жизни женщины, с одной стороны, и современного научного знания, с другой.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является историко-философский анализ постановки проблемы женской природы в теории феминизма.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

- выделение теоретических оснований определения специфики природы женщины в истории европейской философии;
- анализ основных этапов становления феминистской мысли как методологии исследования природы женщины;
- исследование особенностей современного этапа развития концепции феминизма;
- философско-методологический анализ понимания женской природы в современных феминистских концепциях;
- исследование нетрадиционных способов самоидентификации женщины в постструктуралистской версии феминистской мысли.

Методологическая основа исследования. В анализе проблемы природы женщины как в истории западно-европейской философии, так и теории современного феминизма главную роль играли *принципы историко-философского анализа*, согласно которым исследование каждой теоретической позиции необходимо вести с учетом того историко-культурного и философского контекста, в котором она возникла.

Теоретическое осмысление постановки рассматриваемой проблемы в теории феминизма требует выработки новых подходов, нового угла зрения на традиционную тему и спектр связанных с ней вопросов. Этот угол зрения базируется, в основном, на трех методологических основаниях:

Гендерные исследования, позволяющие различить физиологический и социальный пол человека, увидеть человека как носителя соответствующей половой (гендерной) роли, определяемой по-разному историческим временем и типом общества, иными словами, позволяющие понять пол человека не как раз и навсегда данную от природы константу, а как социально подвижный феномен (Д. Аллен, Д. Батлер, К. Гиллиган, Д. Гримшоу, Т. Де Лауретис, С. Макмиллан, С. Файрстоун, Н. Ходоров, Е. Шаултер и др.).

Феноменология, поскольку сегодня очевидно, что вопрос о женской природе не может быть рассмотрен без учета женского опыта жизни, что традиционные теории должны быть пересмотрены с позиций женского переживания жизни, женского «жизненного мира» (С. Гриффин, Э. Гуссерль, А. Рич, К. Свасьян.)

Постструктурализм, позволяющий, благодаря деконструкции и дискурсивному анализу, критически осмыслить патриархатные основания традиционного понимания культуры, взаимоотношения полов и подойти к постановке вопроса о поисках недискурсивных оснований

природы женщины. (Ж. Деррида, Л. Иригарэй, Ю. Кристева, Х. Сиксу, М. Фуко).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

в диссертации определена главная особенность феминистского подхода к анализу проблемы женской природы, заключающаяся в открытии универсального значения социокультурного измерения пола (гендера) в жизни человека и общества;

выявлен основной недостаток рассмотрения женской природы в европейской историко-философской традиции, где вопрос о природе женщины был принципиально разведен с вопросом о природе человека;

проанализированы теоретические основания, по которым в истории европейской философии женщина рассматривалась как «другое», а не «свое», в статусе объекта, а не субъекта, в пределе «вещи», а не «личности»;

обосновано, что основным вкладом феминистской теории в исследование проблемы женской природы было доказательство того факта, что природа женщины не есть некая естественная (детерминированная биологией) константа – она представляет собой исторически подвижную форму социальной организации людей;

диссертация является одной из первых работ, где представлено интегральное видение проблемы женской природы в теоретической концепции феминизма и проделан типологический анализ основных точек зрения на данную проблему.

Научно-практическая значимость и апробация исследования. Материалы, положения и выводы диссертации нашли применение в научной и педагогической деятельности автора в качестве преподавателя философии и гуманитарных спецкурсов на кафедре философии Ураль-

ского государственного технического университета (УПИ) в течение последних десяти лет. По материалам диссертации были разработаны спецкурсы, прочитанные в Институте усовершенствования учителей (г. Челябинск, 1998 г.) и Уральской психогенетической академии «Ланид» (Екатеринбург, 1998 г.). Положения данного исследования легли в основу неоднократных публицистических выступлений автора в средствах массовой информации (серия материалов в газете «Вечерний Екатеринбург», серия передач на II канале Свердловского телевидения - СГТРК).

Основные идеи диссертации обсуждались на конференциях международного уровня: «Россия и США на рубеже XX - XXI веков» (Екатеринбург, 1999 г.), «XXI век: Будущее России в философском измерении» (Екатеринбург, 1999 г.), Летняя школа по гендерным исследованиям «Азов - 98» (г. Таганрог, 1998 г.), «Женщина и культура» (г. Москва, 1997), семинар «Гендер и культура» (Центральный Европейский университет, г. Будапешт, 1996 г.). А также на региональных конференциях: «Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже второго и третьего тысячелетий» (Екатеринбург, 1999), «Российская культура на рубеже пространств и времен» (Екатеринбург, 1998), «Русская женщина: предназначение и судьба» (Екатеринбург, 1998), «Личность и культура на рубеже веков» (Екатеринбург, 1997), «Ценности и идеология в современной России» (Екатеринбург, 1996), «Российская общественная мысль на рубеже веков» (Екатеринбург, 1995).

Материалы исследования изложены в монографии, статьях и тезисных вариантах выступлений автора на конференциях.

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав (каждая включает по два-три параграфа), заключения и списка использованной в исследовании литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, степень ее разработанности в отечественной и зарубежной философской литературе, формулируются цели и задачи диссертации, ее методологическая основа, научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Теоретические основания определения природы женщины в истории западно-европейской философии», содержащая три параграфа, посвящена выявлению теоретических принципов и оснований определения природы женщины в западно-европейской философской традиции. Во вступлении к главе показывается, что вопрос о природе женщины рассматривался в западно-европейской философии отдельно от общего вопроса о природе человека. Эти вопросы были разведены и по значимости их решения для философской проблематики, в целом, и -- что особенно важно подчеркнуть для настоящего исследования -- по *качеству* самого рассмотрения, поскольку вопрос о природе человека и женщины анализировались мыслителями в разных методологических парадигмах.

Диссертант опирается на известное положение М. Бахтина о том, что человеческое познание существует в двух пределах -- «вещи» и «личности»: «Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Вещь и личность (субъект) как пределы познания».² В работе высказывается убеждение, что если природа человека, как правило (по крайней мере в подавляющем большинстве антропологически ориентированных философских учений), воспринималась и познавалась в пределе «личности», т.е. в своем субъектном

² Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С.363.

качестве, то с природой женщины дело обстояло иначе – она всегда рассматривалась в пределе «вещи» (вне зависимости от ценностных характеристик данной «вещи»). Этот вещный характер рассмотрения проявлялся в нескольких аспектах. Во-первых, природа женщины была в полном смысле этого слова *определена*, т.е. ей были положены четкие пределы, в рамках которых она и познавалась. В то время как представления о природе человека менялись, возникали новые точки отсчета, новые ракурсы видения, новые подходы к пониманию, что есть человек, основные параметры (пределы) женской природы как существа пассивного в противоположность активному, чувственного в противоположность рациональному, природного (материального) в противоположность культурному (духовному) были заданы еще в философии античности и остались таковыми вплоть до XX столетия. Кроме того, природа женщины всегда оказывалась замкнутым «в себе и на себя объектом», то есть вопрос этот, как правило, рассматривался в философских учениях вне корреляции с основополагающими принципами философствования и оказывался по существу в изоляции от других исследуемых мыслителями вопросов. Но, может быть, главным образом и отчетливее всего разведение вопроса о природе человека и природе женщины проявлялось в том, что последняя всегда рассматривалась через определение специфики по отношению к первой. Женщина и все женское всегда понималось как «особенность» (женские особенности организма, особенности женской психики, души и т.п.) по отношению к «норме» человека. Чаще эта «особенность» оценивалась отрицательно как «дефект» подлинной человечности, но нередко женская природа в ее специфичности утверждалась и как равноценная, а в некоторых исключительных случаях едва ли не как «преимущество». Однако, оценочная характеристика не меняла существа дела -- в исто-

рии европейской философии женщина оказывалась «особым» по отношению к «человеку» существом.

Доказательству этого положения и посвящена данная глава, где определяются основания, по которым разворачивается процесс отмеченной спецификации. В работе выявляются три таких основания -- женская физиология, ментальность (мировосприятие) и культурный статус (предназначение в социуме). Рассмотрение историко-философской перспективы каждого из этих оснований составляет содержание параграфов данной главы.

В первом параграфе «Физиология женщины как основание определения специфики ее природы» показывается, что тенденция рассмотрения физиологии женщины как основной причины «особенностей» ее природы по отношению к природе человека проходит через все века развития западно-европейской философской мысли.

Начинается параграф с анализа ситуации в античной философии, где впервые человеческая мысль начинает биться над вопросом: что есть человек? Закономерно возникает стремление философов вычленить прежде всего те качества, которые отличают человека от всех других живых существ. Именно пафос человеческого самоопределения стал причиной мощной рационалистической тенденции античной философии, где разум и дух оказались однозначно приоритетными сферами, в то время как телесно-чувственная сторона рассматривалась как нечто низменное, как едва ли не животный атавизм, который человеку предстоит преодолевать всю сознательную жизнь. В контексте этих идей, как показывается в диссертации, очевиден дисбаланс собственно человеческих качеств в мужской и женской природе: телесно-чувственная сторона жизни пронизывает все женское существо, поскольку сама ее физиология, предназначенная для вынашивания, рождения, вскармливания детей (т.е. всего того, что составляет функцию

самки и в животном мире), «определяет» ее природу как промежуточное звено между человеком и животным. Содержание данных идей анализируется в параграфе на примере позиции Аристотеля (выраженных полнее всего в произведении «Политика»), как наиболее репрезентативном и для своей эпохи, и, как показывается в диссертации в дальнейшем, для всей традиции, прямо трактующей женщину как существо уже в силу особенностей своей физиологии не воплощающее в полной мере природу человека.

В работе указывается, что эпоха средневековья в лице своих философских представителей также в основном придерживалась концептуально того, что различие между полами продиктовано отношениями духа и плоти. А что касается критики последней, то, как известно, христианские философы были еще радикальней античных. Женщина -- главный искушитель мужской плоти, идея большей ответственности женщины за грехопадение вытекает из самой сути средневекового мирозерцания: ведь женщина -- это прежде всего плоть. В работе указывается на позицию по данному вопросу Фомы Аквинского, для которого женщина -- «неудавшийся мужчина». Аквинат, также как и античные философы, главным назначением женщины считает ее способность к воспроизводству, и эта способность также трактуется в его сочинениях, с одной стороны, как причина ее человеческой неполноценности, а с другой, как единственное оправдание в жизни.

В диссертации отмечается, что традиция сведения природы женщины к детородной функции и открытого объявления ее на этом основании неполноценным - «специфическим» - человеком встречается также у философов последующих эпох: в работах М.Монтеня, Эразма Роттердамского, Г.Бокля, Л.Толстого, Г.Спенсера и др., а также у мыслителей различных, иногда противоположных направлений. Последнее демонстрируется в параграфе на примере рассмотрения работ

представителей иррационалистического направления, исповедующих, как известно, совсем иные по отношению к названным, ценностные приоритеты. В нем указывается на программные заявления по рассматриваемому вопросу Шопенгауэра («назначение женщин исчерпывается назначением их служить распространению человеческого рода»³) и Ницше («освободить женщину можно только, сделав ей ребенка»⁴; «первое и последнее призвание женщины -- рожать здоровых детей»⁵).

При рассмотрении данной традиции специальное внимание в параграфе уделяется разбору философии психоанализа. З.Фрейд убежден, что анализ природы сознания не может быть абстрагирован от биологии человека, что «анатомия -- это судьба». И опять, как много веков назад, корень дефективности женщины отыскивается уже на уровне физиологии, в строении половых органов. Отсутствие пениса делает женщину в конечном итоге неполноценной в социальном и культурном отношении. Конечно, связь эта, по Фрейду, совсем не прямая. Она опосредована выбором модели поведения и тех детских комплексов, которые определяют этот выбор. Центральными здесь оказываются страх кастрации у мальчика и зависть к пенису у девочки. Первый приводит мальчика к преодолению Эдипового комплекса, в качестве наследника которого выступает «строгое сверх-я», которое и становится, в свою очередь, «мощной силой его дальнейшего развития» как культурного субъекта. Что касается противоположного пола, то, как пишет Фрейд, «у девочки происходит почти противоположное, поскольку ее фундаментальное желание иметь пенис сублимируется в сфере не культурных достижений, а совсем иной: «женская ситуация

³ О женщинах: Л. Толстой, А. Бокль, А. Шопенгауэр, Г. Спенсер. Спб., 1902. С. 61.

⁴ Ницше Ф. Ессе Номо// Соч. в 2-х т.т.2. М., 1990. С.727.

восстанавливается только тогда, когда желание иметь пенис заменяется желанием иметь ребенка; ребенок, таким образом, согласно эквивалентам древней символики, занимает место пениса».⁵ Так ребенок замещает пенис, женщина удовлетворена и потому ни к чему, кроме деторождения по-настоящему не способна. (В работе специально оговаривается, что отмечаемые здесь взгляды Фрейда по рассматриваемой проблеме и то, что объективно дала его теория для выработки принципиально новых подходов к ней в теоретической мысли конца века -- вещи несопоставимые ни по направленности, ни по масштабу влияния).

Вышеизложенное позволило сделать вывод о том, что на протяжении двух с половиной тысячелетней философской традиции физиология женщины, рассматриваемая главным образом со стороны ее репродуктивной функции, оказывалась фундаментальным основанием определения ее природы как «специфической», «особенной» по отношению к природе человека.

Во втором параграфе «Ментальность женщины как основание определения специфики ее природы» исследуется та тенденция в рассмотрении различий половых характеристик людей, которая актуализируется, главным образом, в эпоху Нового времени. Именно в это время окончательно формулируются в философии (и культуре вообще) ментальные качества маскулинности и феминности и соответственно идеальные модели мужчины и женщины.

В работе показывается, как общегуманистические настроения эпохи способствуют переосмыслению женской природы в философии. В ней отыскиваются самобытные черты, имеющие самостоятельную ценность и многие авторы декларируют в своих работах равноцен-

⁵ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла// Соч. в 2-х т.т.2. М., 1990. С. 358.

⁶ Фрейд З. Введение в психоанализ. М., 1989. С. 380.

ность мужского и женского мировосприятия, объявляя их различие базисом для гармоничного взаимодействия полов. В диссертации на примере творчества Р.Декарта, И.Канта, Ж.-Ж. Руссо доказывается, что вне зависимости от субъективных намерений авторов сам рационалистический способ мышления с его дуалистическим разведением интеллекта и эмоций, разума и интуиции, ума и тела (с безусловным приоритетом первых над вторыми) не мог не иметь своим следствием отношения к женщине как к низшему («особому») по своей природе существу. Все комплименты «ценнейшему» и «замечательному» женскому «характеру», высказанные философами в периферийных работах, выглядят совсем иначе в контексте их общих рассуждений о природе человека -- здесь выясняется, что все «прелестные» женские качества к «собственно человеческим» как раз отношения собственно не имеют.

Так в параграфе лицом к лицу «сводятся» две работы Канта «О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин» и «Основы метафизики нравственности» и показывается, что женщина при всем «приятном» наборе тех ментальных качеств, которыми наделила ее природа (чувствительность, скромность, участливость, сострадательность, благожелательность, благосклонность) не способна обладать «высшей ценностью характера» человека -- которая собственно и делает его человеком в собственном смысле! -- поскольку не способна к совершению поступка исходя из «принципа». Она способна только на «красивый» поступок, который «совершается легко и без всякого напряжения». Однако, по Канту, как известно, моральной ценностью обладает только поступок, совершенный из чистого чувства долга и потому требующий «усилия и преодоления трудностей», а это есть характеристики как раз «возвышенного поступка», т.е. мужского. В работе отмечается, что и Гегель, демонстрирующий в своей

философии прежде всего необходимость и непреложность восхождения человеческого духа от гармоничного существования в природе (детство) через трагедию субъективно-объективного дуализма индивидуальной жизни человека к действительному единству с Высшим Разумом, едва ли включал в эти сущностные черты человеческого бытия женщину. Мотив женщины, если едва различимо и возникает в его теории, то только в связи с мотивами семейной жизни (которая, конечно, вторична по отношению к государственной) и любви.

В параграфе отмечается, что «ситуация женщины» в гегелевской философии представляет собой общий случай, поскольку рассмотрение женщины только как «принадлежности» семейно-интимной сферы человеческой жизни также было одной из причин отнесения вопроса о природе женщины к разряду третьестепенных. Так не секрет, что среди философов практически всех времен бытовало стойкое убеждение в однозначной субординации общественной и семейной сферы жизни людей. Но даже в ситуациях исключения из этого правила, когда для мыслителя такой явной субординации не существовало, все равно женская ментальность в силу своих особенностей в конечном итоге оказывалась неадекватной требованиям, предъявляемым истинно человеческому способу мысли.

Данное утверждение доказывается в диссертации на примере философии Ж.-Ж. Руссо, который был одним из тех немногих, кто рассматривал семейную, частную жизнь человека как источник наиболее интенсивных эмоций, наиболее глубоких чувств. Отношение между полами представляют собой, по Руссо, важнейшую часть человеческой жизни. Об этом свидетельствует и его «Исповедь», и подробное описание отношений мужчины и женщины в новелле «Юлия или новая Элоиза», где никакой субординации полов не прослеживается. Но, как отмечалось выше, соотнесение его специальных высказываний о жен-

ских достоинствах с общим философским пафосом рассуждений о человеке высвечивает совсем иную картину. Так известно, что главной идеей политической философии Руссо была идея свободы и равенства. В «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он представляет свой анализ способов и причин порабощения, в «Общественном договоре» рассматривает теорию государства, в котором оказывалось бы возможным для граждан совместить как следование генеральной воле государства, так и отстаивание собственной позиции свободного гражданина. В «Эмиле, или О воспитании» Руссо обсуждает принципы, которые должны быть положены в основу воспитания такого гражданина. Прежде всего, считал он, Эмиль должен уметь защищать независимость своего ума и дух, поэтому воспитатель должен возможно полно учитывать способности, наклонности и интересы воспитанника, с уважением относиться к его личности, учить самостоятельно мыслить. Воспитанник должен стать выносливым духом и телом, независимым в своих суждениях и мнениях от других, должен тщательно оберегать свою автономию и самодостаточность. Когда же Руссо переходит к описанию воспитательной и образовательной программы для Софии -- подруги Эмиля, то оказывается, что вместо автономии и самодостаточности здесь необходимо воспитывать чувство зависимости и послушания, поскольку София должна получать образование с единственной целью -- быть приятной Эмилю: «делаясь вашим супругом, - обращается к ней учитель, - Эмиль стал вашим главою, вам предстоит повиноваться - так захотела природа».⁷ То есть зависимость, которая, по убеждению Руссо, с неизбежностью ведет к рабству и неравенству, есть самое унижительное состояние человека, но, как очевидно, не женщины.

⁷ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании. // Руссо Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. М., 1981. С. 590.

Проанализированный в работе материал позволяет сделать вывод, что для рассматриваемой тенденции было свойственно оставлять «в подтексте» вопрос о собственно человеческих качествах женской природы, условно говоря, не додумывать его до конца, поскольку, с одной стороны, начиная по крайней мере с эпохи Просвещения, не признавать женщину полноценным человеком было уже невозможно; но, с другой, выяснялось, что ей не свойственны как раз те качества, которые и отличают природу человека от всякой другой. Однако в работе указывается на книгу О.Вейнингера «Пол и характер» как на опыт проведения традиции новоевропейской философии в отношении природы женщины до своего логического завершения, где автор, фокусирующий свое внимание именно и исключительно на проблеме сравнительных характеристик мужского и женского мировосприятия, неприкрыто заявлял, что все человеческое, духовное, разумное, нравственное – это мужское, а не общечеловеческое. Таким образом, заключается, что представители второй тенденции, как бы они ни оценивали природу женщины, также по сути дела рассматривали ее как нечто особенное, отличное в своей основе от того, что составляет в собственном смысле природу человека, и в эпоху, для философии которой характерно прежде всего активизация человека как субъекта познания и деятельности, женщина остается принципиальным объектом, пассивным и самодовлеющим.

Третий параграф «Культурный статус женщины как основание определения специфики ее природы» посвящен рассмотрению теорий тех немногих авторов в истории западно-европейской философской традиции, которые писали о женщине не просто много, но отводили ей, ее способу мысли, чувствования, мировосприятия, а иногда и особенностям физиологии необычайно высокое положение в иерархии ценностей человеческого бытия, тем самым поднимая вопрос о жен-

ском предназначении до уровня рассмотрения ее культурного статуса. В работе отмечается, что хотя подобное отношение к женской природе было скорее исключением, чем правилом, таким исключением могло стать целое философское направление, как это случилось в русской религиозной философии серебряного века, ведущие представители которого в лице Вл. Соловьева, Н. Бердяева, Вас. Розанова и др. много внимания уделяли рассмотрению «принципа женственности». Кроме теории философов указанного направления в параграфе представляется и анализируется тот уникальный в отношении рассматриваемой темы случай, каким явились развернутые работы, специально посвященные вопросу соотношения полов и «женской культуре» немецкого мыслителя конца XIX - нач. XX века Георга Зиммеля.

В параграфе выделяются три стороны рассмотрения русскими философами принципа женственности: учение о Вечной Женственности, идея подлинного андрогинизма и метафизика любви. Принцип женственности наряду с мужественностью рассматриваются в русской философии как «метафизический и космический принцип», что само по себе уникально, поскольку, как показывалось в предыдущих параграфах, в западно-европейской традиции «прорыв» в метафизику связывался исключительно с возможностями мужского «характера». Так, по Соловьеву «весь мировой и исторический процесс» есть «процесс ее (вечной Женственности - Г.Б.) реализации и воплощения»⁸. Именно она -- цель космического и исторического процесса. Она есть ни что иное как другое Бога, есть вселенная, которая от века имеет образ Совершенной Женственности. Таким образом, вечная Женственность как другое Бога составляет одну из фундаментальных онтологических оснований космоса. При этом в работе показывается, что «женский

⁸ Соловьев Вл. Смысл любви//Русский эрос или философия любви в России. М., 1991. С. 63.

принцип» для Соловьева оказался равнозначным «мужскому» не только на космическом уровне, но и на уровне индивидуально-личностном, поскольку восстановление человека как образа и подобия Божьего, составляющее, как известно, одну из главных задач философов указанного периода, возможно только основываясь на идее «подлинного андрогинизма». В параграфе анализируется как данная идея воплощается в работах Н. Бердяева и В. Розанова, которые, исходя из того, что пол -- есть только «половина человека», рассматривали процесс возможного «осуществления подлинной личности». Для реализации данного процесса нужно не уравнивать мужчину и женщину и не уподоблять женщину мужчине, а, напротив, «утверждать начала мужественности и женственности». Только таким путем, через поляризацию, разведение, утверждение «начал» возможно достигнуть того подлинного состояния любви между полами, которое станет в жизни человека средством истинного осуществления Божественной сущности.

Однако в диссертации доказывается, что, несмотря на указанный интерес, внимание, необычайно высокую оценку роли женской «составляющей» в процессе осуществления «подлинной личности», в данном философском направлении рассмотрение женщины в общем, несмотря на декларации, в результате не вышло за рамки традиционного разведения природы женской, с одной стороны, и человеческой, с другой. Это отчетливо проявляется в том, как решается вопрос о «главном призвании» женщины, которое заключается в реализации «принципа женственности» в культуре: женщина должна стать «силой, вдохновляющей творчество мужественное» (Н.Бердяев). Все авторы убеждены в онтологической непреложности традиционной дихотомии: «мужчина -- культура, женщина -- природа», «мужчина -- человек, женщина -- пол», и роль женщины в собственно человеческом призвании, которым и является культурное творчество, пассивна -- это роль

объекта, а не субъекта, роль средства, а не творца. Так анализ используемых философами определений, через которые ими вводятся женские сущности, говорит сам за себя: вечная женственность вводится через понятия «другое», «пассивное», «чистая потенция», «вечная пустота», «чистое ничто», сама женщина оказывается не более, чем «женским дополнением», «женским *alter ego*» человека, оказывается «половой космической стихией», «природой, которая ждет царя своего -- Человека». Поэтому, как указывается в работе, не удивительно, что когда речь у этих философов идет о проблемах не связанных непосредственно с характеристиками пола (познавательных, этических, творческих), «человек» опять приобретает традиционно-мужские «антропо-личностные» черты.

Далее в параграфе представляются взгляды Г.Зиммеля, который в своих сочинениях пошел в рассмотрении особенности и самоценности женской природы гораздо дальше русских мыслителей. В работе «Относительное и абсолютное во взаимодействии полов» Зиммель отстаивает «самостоятельность женского жизненного принципа», который нуждается в этом, поскольку, по убеждению философа, наша цивилизация имеет одномерно маскулинный характер, где объективное тождественно мужскому и где все социальные достижения, свойства человеческого характера и пр. оцениваются по «мужским нормам». Эта тотальная подмена, где «мужские проявления понимаются как нейтральные и объективные» произошла прежде всего вследствие определяющей позиции мужчины в сфере культуры. Однако у женщины - своя жизненная позиция, которая просто не нуждается в культурной самореализации. Ведь культура, как доказывает автор, основываясь на идеях Канта и Гегеля, есть результат априорного жизненного дискомфорта мужчины, поскольку все культурные достижения это проявление стремления человека преодолеть субъектно-объектный дуализм.

Женщина же имеет совсем иные априорные основания, она находится на пре-дуалистической ступени развития и ее «глубокая погруженность в жизнь» имеет своим следствием то, что ее взаимоотношение с миром не нуждается по сути в опосредовании культурой: «то, что для мужчины является результатом преодоления ранее дуалистически расколотого мира, женщине дано непосредственно, изначально»⁹. В диссертации отмечается, что поскольку для Зиммеля, как представителя (ко времени написания рассматриваемой работы) «философии жизни» главным оказывается в отличие от классической традиции не дух человека, как таковой, не культурные его достижения, а «жизнь как непосредственное переживание человеком себя в мире», то обнаруженная им «априорная основа женского бытия» представляет собой фундамент гораздо более естественного и гармоничного существования, чем априорный дуализм бытия мужского.

В диссертации представляется и другая работа Зиммеля, «Женская культура», в которой автор делает прогноз того, что могла бы женщина привнести в культуру как субъект деятельности, какие результаты могла бы дать реализация «женского принципа» в различных культурных областях (в истории, различных видах искусства, медицине, юриспруденции). Однако в диссертации доказывалось, что несмотря на уникальность подхода, предпринятого Зиммелем к рассмотрению женщины как возможного субъекта культуры, заканчивает он свои рассуждения по сути признанием фундаментальной неконструктивности данного подхода, когда в конце всех прогнозов склоняется к утверждению, что «объективная женская культура» является все же, скорее всего, «*contradictio in adjecto*» (противоречие в определении), что существует «принцип несоответствия формы женской сущности

⁹Simmel G. Das Relative und das Absolute im Geschlechter Problem. // Philosophische Kultur. Leipzig. 1919.s.72.

объективной культуре вообще». Поэтому рассмотрение работ Г.Зиммеля в параграфе заключается положением о том, что несмотря на уникальность концепции женской природы с ее основной интенцией выявить особенности женского мировосприятия в его автономной и самобытной ценности, несмотря на фундаментальное открытие не нейтрального, а «полового» (мужского) измерения всей нашей цивилизации, позиция данного мыслителя не меняет общей картины понимания женской природы в европейской философии, поскольку традиционное разделение между полами приоритетных сфер бытия -- природной и культурной -- не только не опровергается, но, напротив, получает новое теоретическое подкрепление. На примере философии Э.Фромма показывается, как эта традиция продолжается и в XX столетии.

Глава заканчивается выводом о том, что при всей разнице теоретических оснований анализа природы женщины, всех мыслителей европейской философии объединяет убеждение в невозможности реализации «женского принципа» в культуре, женщина в философских доктринах философов самых различных эпох и направлений оказывается за рамками культурного творчества, и ее значимость в культуре определяется только степенью ее влияния на мужчину. В заключении подчеркивается также, что подобный взгляд на природу женщины, закономерен вытекающий из того универсального факта, что для философа женщина всегда была «другим», всегда рассматривалась в позиции объекта, в пределе «вещи», был свойственен не только мужчинам. Сама женщина, тысячелетиями впитывая в себя традиционную культуру, также смотрела на себя глазами мужчины, т.е. как на «другое». Однако во второй половине XX века в западном обществе постепенно начинает возникать, а затем все более четко оформляться потребность современной женщины увидеть себя не мужскими, а собственно женскими

глазами, попытаться определить свою природу в качестве не чего-то производного от мужских потребностей, не как «другое», а как «свое», в своей собственной культурной самооценности. Ответить на эту потребность и оказалась призванной теория современного феминизма.

Вторая глава «Становление теории феминизма как методологии исследования женской природы» посвящена рассмотрению основных этапов развития западно-европейской феминистской мысли и выявлению специфики современного ее этапа, который заключается прежде всего в разработке теоретико-методологических оснований феминистского мировоззрения вообще и исследования женской природы в частности.

В первом параграфе «Основные этапы развития западно-европейской феминистской мысли» называются причины, которые способствовали возникновению феминистского движения («промышленная революция» в экономической структуре общества и демократические преобразования в социальной), и рассматриваются основные идеи трех этапов становления феминистских учений, начиная с XVIII века и по настоящий период.

В параграфе показывается, что для *первой волны* феминистских взглядов, которые демонстрируются здесь на примере работ М. Уолстонкрафт, О. Де Гуж, Т. Гиппеля, было характерно прежде всего выдвижение конкретных требований, связанных с установлением «естественного» и «политического» равноправия женщин. В период *второй волны*, который обычно датируют XIX - нач. XX веков, продолжают разрабатываться те же идеи, но с привлечением более весомой аргументации, поиском социальных, религиозных и психологических причин сложившегося неравного положения между мужчиной и женщиной в обществе. Данный период становления феминистской мысли представлен в параграфе работами Д. Милля, Ж. де Сталь, фе-

министскими идеями социалистов-утопистов. Однако, в диссертации доказывається, что разработкой целостной теоретической концепции отмечена только последняя -- *третья волна* феминизма, начало которой -- середина настоящего столетия. Рассмотрению становления феминистской теории данного периода и посвящена основная часть параграфа.

В нем указывается, что корни возникновения третьей волны феминизма исследователи видят в культурном климате западных леворадикальных движений шестидесятых годов с их установкой на создание «антиистеблишментской контркультуры», неофрейдистскими призывами к свержению власти патриархата, протестам против конформистского идеала «настоящего мужчины», против культа насилия и технократизма. И хотя исторически появление этого этапа отмечено актуализацией традиционных требований экономического, политического и правового равноправия женщин (т.е. требований того феминизма, который стал позднее называться «либеральным»), начиная с семидесятых годов возникает новое направление так называемого «радикального феминизма», ведущие представители которого (в частности, К.Миллет и С.Фарейстоун) заявляют гораздо более широкую программу, связанную со стратегическими изменениями в рассматриваемом движении. Призывы радикальных феминисток были направлены уже не просто на улучшение положения женщин, но на полное обособление их от действующих в мужском обществе культурных институтов, здесь речь шла по существу о феминистской революции, в результате которой должно быть разрушено «андроцентристское общество». Однако, как показывается затем в параграфе, со второй половины семидесятых в этом движении начинают преобладать совсем иные настроения, постепенно вызревает понимание ограниченности прежних трактовок социокультурных проблем: тот факт, что власть в

ее политическом смысле находится в руках мужчин -- есть лишь одна и, может быть, не самая важная сторона дела. Главное, что логика всей современной культуры типично мужская: все достижения -- научные, производственные, технические -- есть проявления глобального проекта покорения природы, проявлявшегося и в науке греков, и в лозунге «знание -- сила» Нового времени, и, наконец, в экологическом кризисе и угрозе ядерной катастрофы. Так исследователи отмечают явно наметившуюся утрату интереса феминизма к политике и все более четко определяющуюся попытку позитивного истолкования женской культуры, стремление увидеть в ней не просто культуру антимужскую, а самобытное органическое явление с глубокими историческими корнями. Они подчеркивают, что феминизм радикальный сменяется на протяжении семидесятых годов «культурным феминизмом», движением, стремящимся исследовать возможности создания женской культуры. Постановка этой глобальной задачи и потребовала универсальной теоретической концепции, которая с необычайной интенсивностью и широтой начала разрабатываться в западном общественном сознании семидесятых-восьмидесятых годов.

В параграфе указывается на методологическую базу первых работ новой теории, которой стали концепции *марксизма* и *фрейдизма* (при том, что собственно теоретические положения их по «женскому вопросу» были подвержены со стороны феминистских теоретиков фундаментальной критике). Так, марксизм дал возможность рассмотреть положение женщин с точки зрения теории угнетенного класса, и это способствовало более углубленному анализу маскулинной (в данном случае) идеологии, т.е., во-первых, тех путей, по которым теории о человеческой природе или социальных отношениях могут быть использованы для интересов правящих групп, и тем самым усиливать угнетение, а во-вторых, способов, используя которые, либе-

ральные и как будто равноправные по содержанию политические идеи могли сами иногда служить маскировкой других форм неравенства и угнетения. Что касается фрейдизма, то здесь впервые был поставлен вопрос о психологической основе мужского и женского, то есть впервые была обнаружена связь личностного начала в человеке с сексуальностью. Кроме того, в диссертации указывается и на значимость для разработки современной феминистской концепции использования *феноменологического* метода, который был призван очистить женский опыт переживания жизни от всех «примесей», «наслоений», «интерпретаций», заключающихся в теориях, излагающих традиционный (т.е. мужской) взгляд на этот опыт.

Заключается параграф указанием на то, что теоретические достижения феминизма привели к фундаментальным изменениям в самом направлении исследования разных областей современного обществознания. В истории, философии, психологии, филологии, искусствознании, биологии, праве и др. была обнаружена их незамечаемая ранее маскулинная ориентация. Данное обнаружение было связано с открытием в феминистской теории нового измерения пола человека, который оказался двойственным по своей природе и вследствие этого имеющим универсальное влияние на все виды человеческой деятельности. Осмысление этих процессов и позволяет рассматривать современный феминизм не только как социальное движение, но и как философско-теоретическую концепцию.

Во втором параграфе «Концептуальное основание современной феминистской теории» рассматривается открытие социокультурного измерения пола (гендера) и определяется его методологическое значение.

Здесь представляется краткая история возникновения понятия «гендер» в феминистской литературе и указывается, что время появле-

ния его совпало с широким обсуждением философской проблемы о соотношении социального и биологического в природе человека в семидесятые годы. Причем отмечается, что в отличие от нашей страны, где, несмотря на то, что обсуждение это проходило достаточно бурно, проблемы пола практически оказались выключенными из дискуссии (исключение составляли лишь работы В. Геодакяна), на Западе именно проблемы половой идентификации стали главным нервом обсуждаемой темы. Разработка этой проблематики в разных областях гуманитарного знания и, прежде всего, открытия психологов (увидевших маскулинность и феминность как психологические ориентации, которые *могли быть* связаны с соответствующим биологическим полом, а *могли и нет*) и этнографов (продемонстрировавших в своих работах *вариативность* содержания мужских и женских ролей в разных культурах) привело к тому, что привычные и казавшиеся непреложными представления о природе пола стали подвергаться существенной деформации, что и привело к возникновению нового понятия. В отличие от категории «пол», которая выражает определенный набор биологических признаков людей, «гендер» означает набор социокультурных качеств, закрепленных за мужским и женским социальным поведением. Тщательное исследование социальной технологии формирования гендерных ролей и гендерного сознания через различные общественные институты, искусство, науку, наконец, опыт повседневной жизни привело теоретиков феминизма к убеждению, что гендер представляет собой «систему человеческих отношений, которые глубоко пронизывают все социальные связи» (Х.Хейн).

В работе утверждается, что гендерная концепция задает новую парадигму мышления в анализе социальных отношений и тем самым выводит на авансцену общественнознания новые, неосознававшиеся прежде проблемы человеческого существования, причем проблемы уни-

версальные, поскольку пол -- универсальная характеристика человеческого бытия. В диссертации демонстрируется, как эта, ставшая вдруг очевидной, истина игнорировалась в традиционном общественном знании не только на примере философии, где «пол» и «человек» оказались оторванными друг от друга (см. первую главу наст. исследования), но и на примере исторической науки, искусствознания, психологии, лингвистики. В параграфе также утверждается, что гендерная концепция открывает конструктивные возможности решения проблемы половой идентификации человека в современном мире. Данная проблема оказывается частным случаем той драмы, которую фиксирует современная философия в качестве одной из основных в жизни современного общества, это драма -- конфликт между многовековыми стереотипами, считавшимися естественными нормами человеческого поведения и возникающим в результате изменившихся темпов социальной жизни новым типом человеческого бытия. Сегодня, как свидетельствуют социальные философы, мы наблюдаем универсальный процесс срывания масок «природного» с «историко-культурных» образований, выяснения механизмов «прирастания» этих масок к «лицам» социальных субъектов, обнаружения квазиприродных автоматизмов человеческого поведения, скрывающих «историчность» своего происхождения (В.Кемеров). Гендерная концепция -- одна из тех, которые наиболее эффективно способствуют ускорению отмеченного процесса, поскольку благодаря ей развенчивается миф о природном предназначении мужчины и женщины, а значит естественность представлений о мужском и женском типах бытия, которые определяли на протяжении долгого времени жизнь людей. Значительное место в параграфе уделяется доказательству этого тезиса на конкретном примере. Здесь показывается, как гендерный анализ современной российской «ситуации пола» вскрывает драму несовпадения привычных форм социализации в виде

«подтягивания» поведения человека к привычным «образцам» с актуальными потребностями его личностной реализации, как «идолы», стереотипы мышления, бытующие, как в обыденном, так и теоретическом сознании, не позволяют увидеть новое в природе и взаимоотношении полов и тем самым оказываются источником болезненных, уродующих жизнь людей ситуаций.

Заключается глава утверждением, что на современном этапе содержание феминистской теории подверглось кардинальным трансформациям, сегодня принадлежность к феминистскому мировоззрению определяется уже не отношением к женскому вопросу, а признанием за различиями социального бытия пола (гендера) определяющего жизнь человека и общества статуса. Гендерная методология, таким образом, оказалась ключевым инструментом анализа социокультурной детерминации человеческого бытия и, соответственно, вопрос о женской природе получил в концепции феминизма новое философско-теоретическое обоснование.

В третьей главе «Проблема женской природы в концепции современного феминизма» рассматривается процесс проблематизации понятия женской природы, представляется интегральное видение данной проблемы в философской теории феминизма и проделывается типологический анализ основных точек зрения на нее. В соответствии с магистральной задачей феминистской теории, формулируемой как решение «всемирно-исторического парадокса культурной анонимности женщины» (С.Клемент), в основу типологического анализа проблемы кладется определение авторами тех историко-культурных перспектив, с которыми связывается реализация «женского» в социальном пространстве. В работе указывается, что можно выделить три такие главные перспективы и, соответственно, три теоретические позиции, кото-

рые и анализируются в первом параграфе «Типология феминистских подходов к проблеме женской природы».

Параграф начинается с рассмотрения позиции, которая связана с перспективой формирования в будущем *андрогинного типа общества*, т.е. такого общества, где физиология человека, его принадлежность к мужскому или женскому полу не будет иметь никакого значения в его социокультурном представительстве. Данная перспектива базируется, в частности, на доказательстве того, что сконструированная обществом природа женщины представляет собой нечто чисто внешнее по отношению к ее реальным возможностям, что женщина, оказавшись она в другой социальной ситуации, способна проявить себя существом ничем по своим ментальным и деятельностным потенциям не отличающимся от мужчины. Основоположницей данного направления исследователи считают С. де Бовуар, которая открыто заявила в своей ставшей теоретическим бестселлером книге «Второй пол», что «женщиной не рождаются, женщиной становятся». С. де Бовуар рассматривает жизнь женщины как ситуацию, применяя для анализа философскую методологию экзистенциализма, разработанную Ж.-П. Сартром в работе «Бытие и Ничто». Автор видит источник формирования представлений о природе женщины, человеке «второго пола», в экзистенциальных отношениях людей, она самым детальным образом, используя десятки, сотни свидетельств, исследует процессы формирования женского самосознания, женской экзистенциальной ситуации на всех этапах ее становления (с детства до старости), постоянно показывая, что «быть женщиной» -- «не призвание, а состояние», и потому изменить свою ситуацию женщина может лишь заняв «мужское» место в культуре, что вполне осуществимо, если ее воспитание, образование, ценностные ориентиры ничем не будут отличаться от мужских. В параграфе рассматривается и другая классическая работа фе-

минизма «Загадка женственности» Б.Фридан, также написанной с позиции отрицания женственности как специфического качества пола.

Логика исследования аргументации данной позиции приводит к необходимости рассмотрения феномена материнства в современных феминистских концепциях, поскольку тот факт, что представители только одного пола рожают и вскармливают детей вызывает наибольшие сомнения в отношении идеи абсолютного гендерного равенства. В параграфе рассматривается как, следуя основному посылу феноменологического метода, феминистские авторы стремятся к радикальному «очищению» женского опыта материнства, разводя понимание материнства как «института» (institution) и материнства как «практики» (experience), и приходят к убеждению, что материнство, «закрытое» сегодня институциональными ярлыками и стереотипами, еще ждет своего настоящего осмысления. Что же касается того, что именно женщина рождает детей, то при соответствующей социальной организации (где родители воспитывают детей на равных условиях или при условии свободного выбора кому этим заниматься, или даже, используя возможности современных технологий, замене естественного материнства искусственным) данное положение также не будет иметь принципиального значения в формировании природы женщины, которая, с точки зрения этих авторов, ничем не отличается от природы мужчины.

Вторая теоретическая позиция в отношении проблемы определения женской природы в феминистской литературе связана с разработкой перспективы необходимости формирования *«женской проекции культуры»* в обществе, кризис которого переживаемый сегодня, связывается, в частности, и с тотальным приоритетом односторонне-мужских ценностей. Теоретики, ориентированные на данную перспективу, считают, что сконструированное обществом представление о

женской природе, которое, в свою очередь, формировало реальную жизнь женщины не одно тысячелетие, действительно «отпечаталось» в особенностях ее мировосприятия и стало социально-исторически приобретенной природой. Иными словами, природа женщины не есть «абстракт», а представляет собой «совокупность общественных отношений».

В параграфе рассматриваются работы Д. Гримшоу, Н.Холмстром, К.Макмиллан, где авторы прямо указывают на свое методологическое родство с теорией Маркса и разрабатывают идею природы женщины как продукта общественно-исторического развития: тот факт, что в течение многих веков женщина была погружена в специфический вид деятельности и стало причиной особенностей ее мышления и чувствования. Так в книге «Женщина, разум и природа» К.Макмиллан анализирует специфику соотношения рационального, эмоционального и интуитивного в природе женского мировосприятия, и источник данной специфики она видит в том, что сферой жизнедеятельности женщины всегда была так называемая частная сфера, где чувства -- забота, любовь, переживание -- всегда были приоритетны. Автор, отталкиваясь от принятой в рационалистической традиции оппозиции разума и чувства, мира культуры и частной сферы, оппозиции между действиями, основанными на следовании принципам, и основанными на любви, показывает, что на самом деле нет жесткого разрыва между чувствами и разумом, что чувства также имеют большой познавательный потенциал, не уступающий по своей значимости мысли, и что женщина часто бывает умна чувством, то есть в женском мышлении несколько не меньше разумного начала, чем в мужском -- просто это начало у нее неотделимо от чувств. Эта же логика проводится исследователем и при соотношении разума и интуитивного знания. Автор убежден, что интуитивное знание не есть какая-то ирра-

циональная магическая сила и всегда чистый субъективизм, интуиция - это тоже определенный способ существования знания, но полученный иным путем. не теоретическим, а опытным. Так женская интуиция, показывает Макмиллан, не является врожденным «таинственным» механизмом, просто во взаимоотношениях матери и ребенка и вообще во взаимоотношениях в семье очень много такого, что невозможно вычитать и выучить заранее. Повседневная и «в высшей степени деликатная «работа» женщины» как матери и жены всегда требовала не общих знаний, а знаний совершенно конкретных, связанных и с чувством индивидуальности каждого члена семьи, и с чувством контекста всех условий их жизни. Автор констатирует, что все эти обстоятельства и определяют специфику женского мышления, которую можно обозначить как целостность или монизм (в противоположность дуализму), «поскольку рациональное, с одной стороны, и эмоционально-интуитивное, с другой, не противостоят в нем друг другу, а представляют собой нерасчленимое единство». ¹⁰

Затем в параграфе показывается, как идеи понимания природы женщины в качестве продукта социально-исторической практики подхватывают и разрабатывают теоретики, которые опираются в своих исследованиях на методологию философии психоанализа, поскольку исторически сложившееся разделение труда в семейной сфере привело к тому, что именно женщина несет ответственность за заботу о ребенке в раннем периоде детства, что и приводит, в свою очередь, к принципиальным различиям в психологических и общемировоззренческих ориентациях мужчины и женщины. В диссертации подчеркивается, что хотя Фрейд постоянно искал некую *естественную* первопричину половых различий, объективно по его теории оказалось, что пол есть

¹⁰ McMillan C. Women, Reason and Nature. Some Philosophical Problems with Nature. New Jersey. 1982. P. 58.

лишь производное от анатомического строения органов, а в собственном смысле он -- результат социальной практики индивида, его способности выбрать соответствующую его анатомии модель поведения, идентифицируясь с матерью или отцом. Данное положение и стало отправным пунктом исследования особенностей женского мировосприятия таких авторов, как Н.Ходоров, К.Гиллиган, Дж.Бенджамин, чьи работы исследуются в параграфе.

Так Н. Ходоров в книге «Воспроизводство материнства» показывает, что поскольку у детей обоих полов возникает первичное родство с матерью, именно по отношению к ней у ребенка появляется чувство «я» и именно из ощущения единства с ней начинается процесс отделения и индивидуализации личности. Мальчик, который в определенном возрасте ощущает потребность отождествлять себя с отцом, должен делать главный упор на различении, отделении, отдифференцировании себя (от матери, а потом и других), отсюда -- доминанта автономии и сепаратизма в мужской психологии и мировоззрении. Девочка же, наоборот, отождествляет себя с матерью (а потом с другими). Н. Ходоров старается доказать, что половые различия в раннем опыте индивидуализации не приводят к тому, что женщины имеют более слабые границы «эго» -- просто девочки выносят из этого периода большую склонность к сочувствию и сопереживанию. Эти же идеи развивает в своих философских работах Дж.Бенджамин, которая показывает, что для мальчика чрезвычайно важной психологической процедурой, предопределяющей тип его дальнейшего миропонимания, является отрыв от матери (символизирующей затем «природу») и переход под влияние отца (символа «культуры»). Девочка же, как правило, продолжает сохранять личное тождество с матерью. Поскольку, считает Дж.Бенджамин, свое отторжение от матери мальчик «компенсирует» ее негативной оценкой, это обуславливает доминиро-

вание в дальнейшем в мужском мировоззрении тяги к господству над природой, стремление познать и подчинить ее. С другой стороны, глубокое переживание дочери слитности с матерью позволяет ей, по мнению исследовательницы, понимать мир «внерассудочно», «внедуалистично», исходя из первичного единства с ним. Это имеет большие последствия на историческое формирование особой женской природы, в основе которой лежит установка на отмеченное сущностное единство с миром (в соответствии с основной формулой женского восприятия «я есть ты», в отличие от доминирования в мужском формулы « я есть не ты»), на синтез и целостность, что предполагает отказ от поляризации субъективного и объективного, внешнего и внутреннего, активного и пассивного, эмоционального и рационального, сознания и интуиции. В параграфе показывается как данные идеи используются в книге К. Гиллиган «Другим голосом» в качестве теоретического основания создания концепции «женской этики».

Таким образом, представители данной точки зрения также, как и представители предыдущей, убеждены, что «другой голос» женщины имеет социально-историческое происхождение, но, в отличие от авторов первой группы, они пытаются рассмотреть данное «отклонение» от (мужской) нормы с конструктивных позиций и показать, что полноценное звучание этого голоса в культурном пространстве может быть чревато далеко идущими последствиями. Так сегодня пишут о новой этике, экологии, о женском типе бизнесмена и политика, ученого и философа. Иными словами -- о возможности другой, женской «проекции» в культуре.

Последняя точка зрения на природу женщины раскрывается в диссертации на примере тех исследований, авторы которых видят источник своеобразия женской природы собственно в особенностях ее телесного переживания жизни и прогнозируют образ «новой исто-

рии», т.е. прогнозируют наиболее радикальную смену перспективы культуры будущего, которая связывается ими с идеей «возвращения женщины в свое тело».

На примере книг А.Рич «Женщиной рожденный», С.Гриффин «Созданная из земли», Дж.Купферман «Тело по ошибке» в работе показывается, что теоретики данной точки зрения убеждены: утверждение, распространенное в современных феминистских концепциях, будто человеческие разум и тело представляют собой два вида существования, только случайно связанных друг с другом -- неверно, человеческое сознание не может находиться в абсолютной отделенности от телесности. В параграфе прослеживается, как одной из ведущих тем в феминистской теории становится тема женского тела, что связано с попыткой фундаментального переосмысления традиционного отношения к ней. С точки зрения феминистских исследователей, несмотря на то, что, на первый взгляд, женское тело всегда было предметом восхищения, источником вдохновения художников, поэтов и др., именно подобное «андроцентристское» отношение к телу женщины способствовало полному забвению «телесной сущности женского мировосприятия», которое было просто вытеснено из культуры. Ведь в маскулинно ориентированной культуре тело видится только как «немая и мистифицированная плоть», здесь «мышление» старается отделиться от «тела». Исследователи убеждены, что на самом деле тело -- есть «источник интеллектуального восприятия, воображения и видения» (С.Гриффин), а характерной особенностью женского восприятия авторы считают именно способность женщины «мыслить через тело» (А.Рич), которая вырастает из психобиологической структуры женщины (развитого тактильного восприятия, дара пристального наблюдения, стойкости к перенесению боли, многомерного вживания в телесность, связи и резонанса женской физиологии с природным поряд-

ком). Однако культура «разлучила» женщину с самой собой, со своим телом и потому случилось так, что «женская физическая организация есть источник многого, пока непроященного и вообще еще некасаемого» (А.Рич). Реализация возможностей этого источника -- «чуда и парадокса женского тела» -- принесет человечеству новые перспективы развития, будет способствовать созданию «мира», куда женщины «принесут не только детей, но и свое виденье и мышление, необходимые для поддержания, консолидации и изменения человеческого существования» (А.Рич).

Завершается параграф указанием на те проблемы методологического характера, с которыми встретились феминистские теоретики в процессе поиска путей актуализации женской способности «мыслить через тело». Показывается, что в определении предметного содержания этой способности феминистская теория, что называется «нос к носу», столкнулась с фундаментальным противоречием своего существования: задача найти, обнаружить, выразить глубинные особенности женской природы столкнулась с природой самого теоретического осмысления, которое функционирует по определенным принципам, запрещающим любые «иные» способы понимания и выражения, в то время как предметом поисков как раз являлось это «иное». Другими словами, сама операциональная система, язык теории оказался недейственным за пределами того, что называется «общезначимым» -- традиционным предметом теоретического познания. Таким образом, в параграфе показывается, как отмеченные процессы привели феминистских теоретиков к осознанию острой потребности в новом, «ином», методологическом основании. Такое основание было найдено в философии постструктурализма.

Второй параграф «Феминизм и постструктурализм: поиски недискурсивных оснований женской природы» посвящен анализу того ново-

го направления в поисках выявления женской природы, которое создается в феминистской теории благодаря союзу с постструктуралистской методологией.

На примере анализа работ М.Фуко в параграфе показывается, как микроуровневый анализ человеческого бытия, основанный на дискурсивной методологии, вскрыл, во-первых, иное содержание самого понятия «тело», которое оказалось несводимым к своему физиологическому носителю, к «организму» как «сумме органов», телесность оказалась тем реальным полем, где существует бессознательное. Во-вторых, тесную связь понятий «тело» и «власть», поскольку именно тело оказалось тем местом, где осуществляется властное конструирование человеческой (включая гендерную) субъективности, точнее, где вырабатывается такая историческая форма субъективности как "человек желающий», то есть, по сути, форма превращения субъекта в объект «знания и подчинения». В-третьих, тесную связь понятий «тело», «власть», «язык», поскольку именно язык в практиках речевого общения -- дискурсах оказывается главным технологическим инструментом телесного воздействия власти. В результате заключается, что благодаря работам Фуко обнаружилось гораздо более объемное воздействие языка, дискурсов -- практик речевого поведения человека. Стало очевидно, как в них закладываются властные ценностные ориентиры и люди, вовлеченные в эти практики, оказываются в поле конструирования через- и посредством их культурно-приоритетных оценок и предпочтений.

В работе показывается, что именно на таком понимании языковой деятельности как деятельности дискурсивной и возникает деконструкция как универсальный метод, который активно используют теоретики феминизма. На примере основных идейных установок Ж.Лакана и Ж.Деррида демонстрируется, что деконструктивизм пред-

ставляет собой пограничную область лингвистики, философии и психоанализа и раскрывается, что деконструкция в самом общем смысле является методом поиска противоречий мышления, который осуществляется через анализ текстовых элементов, языковых оборотов, впитавших в себя «дух» социокультурной системы. Благодаря вскрытию несогласованности «различия» базовых посылок, в деконструкции обнажается «бессознательное» в системе, то, что обычно проскальзывает сквозь анализ, основанный на чистой логике и аргументации. Под влиянием метода деконструкции в теории феминизма и сложилось особое направление феминистской литературной критики, которое стало явлением не только филологическим, но общепhilosophическим. Исследователи данного направления, деконструируя тексты в самых различных областях знания: литературе, философии, истории, правовых документов, школьных учебников и т.д., показали, как в культуре на уровне бессознательных установок формируется образ женщины как «иноного», «другого», «вторичного», «маргинального», «отклонения», доказав тем самым патриархальный характер историко-культурной системы.

Основное внимание в параграфе уделяется феноменам *женского письма и чтения*, разрабатывающихся в феминистской литературной критике и представляющих собой механизмы самоидентификации женщины, т.е., по существу, здесь предлагаются пути «возвращения женщины в свое тело». На данном этапе исследования главный акцент делается не только и не столько на том, что сближает феминизм и постструктурализм, что заимствует первый у второго, но, напротив, на точке расхождения данных направлений. Такой точкой оказывается понимание такого базового определения как «феминный стиль письма», а вслед за ним самих понятий «феминности» и «женщины».

В параграфе проводится сравнительный анализ теоретических позиций Ю.Кристовой, Х.Сиксу и Л.Иригарэй, которые обычно рассматриваются в литературе как ведущие представители одного направления, феминистского постструктурализма, и доказывается, что, несмотря на общую методологическую платформу -- постструктурализм, анализ содержания, который вкладывают исследовательницы в отмеченные выше понятия, демонстрирует принципиальную разницу их мировоззренческой направленности. Так, в теории Кристовой в духе чисто постструктуралистского подхода «мужское» и «женское» есть универсальные параметры языка, не имеющие связи с субстанциональной принадлежностью к тому или иному полу, предметом ее анализа является не женское, а «женское», чисто языковое измерение. Что касается работ Сиксу и Иригарэй, то в них женщина является не только как «символ», как «фантазм маскулинной культуры», но и в своей телесной субстанциональности. В своих манифестах, ставших своеобразными «культовыми-текстами» феминистской литературной критики, Сиксу и Иригарэй пишут о том, как в процессе *женского письма* происходит «раскапывание» в теле женского опыта переживания жизни. В диссертации показывается, что сами эти тексты являются образцами *женского письма*, образцами того «прорыва» за грань «возможного», где сливаются воедино мысли и чувства и где учатся чувствовать и мыслить всем телом. Так женское письмо, заключающее в себе способность побуждать «знание, зарытое в теле, переходить в сознание» объявляется «местом» обнаружения «изначального». «истинного» бытия женщины и началом изменения мира и истории.

Феномен *женского чтения* также рассматривается в диссертации как работа феминистских авторов по самовыявлению, самоидентификации женщины. Здесь подчеркивается, что альтернативные стратегии

чтения, формирующиеся феминистской критикой, также основаны на методе деконструкции -- на децентрации фокуса восприятия, на перемещении его с «голоса» как центрирующего смысл начала на «письмо» как периферийное поле смыслов. Для осмысления природы такого рода практик своего рода ключевым понятием является категория «видения», введенное дискурсивной теорией М. Фуко, которая чаще употребляется в коннотации с телесностью -- «телесное видение». Если говорить в самом общем виде, телесное видение текста -- это восприятие его через сопротивление языку, восприятие недискурсивного в тексте. Опыт чтения, который разрабатывается феминистской критикой в работах Э. Шауолтер, А. Колодны, А. Розенхолм, и представляет собой попытку обнаружить то «женское», что подвергалось «цензуре тела».

В диссертации анализируется опыт женского чтения на примере статьи А.Розенхолм «Пишу себя: творчество и автор», где исследовательница «читает» один из рассказов русской писательницы XIX в. Н.Хвошинской (публиковавшейся под псевдонимом В.Крестовский). Розенхолм в своей работе обосновывает необходимость различения двух типов чтения: традиционного восприятия текста, где голос автора оказывается определяющим, выступает проводником «набора фиксированных значений» и женского чтения, где восприятие протекает как процесс, разворачивается как сцена, на которой не только «слышна» речь автора, но и «видно» его письмо и где поэтому субъект оказывается гетерогенным, он не только пишет текст, но и *пишется* текстом. В своей статье А.Розенхолм как раз и пытается развернуть эту сцену письма и выявить ту запрещенную женственность, которая прикрыта культурно-организованным «фасадом» сознательного, контролирующего «я» писательницы.

На основании мировоззренческих устремлений, выраженных в работах феминистской литературной критики, в диссертации делается заключение о том, что в данном направлении вопрос о существовании какой-то особой природы, общей для всех женщин, по сути снимается. Речь идет о женской идентификации, которая и занимает здесь место вопроса о женской природе. Главное в чем заключается общая позиция всех авторов этого направления -- признание необходимости разидентификации женщины в патриархатной культуре: современная женщина также, как и «вчерашняя», и «позавчерашняя» «разлучена» сама с собой, поскольку в ней инспирирован мужской взгляд на свою природу. Важно, во-первых, осознав это, разидентифицироваться с этим искусственным конструктом «женственности» и, во-вторых, -- хотя это «второе» разделяется не всеми авторами -- постараться «раскопать» в своем «теле» ту подлинную женственность, которая и станет источником нового мировидения со всеми вытекающими отсюда социокультурными последствиями.

Заканчивается глава утверждением, что теория современного феминизма является свидетельством «духовного совершеннолетия» женщины конца XX столетия, осознавшей, что все ее формирование в прошлом протекало практически без ее личного участия, и что сегодня время начинать самостоятельные поиски себя, определения своей природы, своих реальных возможностей и способов их реализации в культурном пространстве. Анализ рассмотрения вопроса о природе женщины в теории феминизма позволяет сделать вывод, что главное достижение ее заключается в снятии традиционного представления о некоей абсолютной, общей для всех, сущностной, детерминированной биологией природе женщины (как и мужчины) и утверждении понимания ее в качестве исторически подвижной формы социальной организации. Что касается разнонаправленности позиций по исследуемой

теме, фиксируемых в данном течении современной мысли, то она представляет собой закономерное отражение реального состояния собственно «женского», которое сегодня, на рубеже нового тысячелетия, находится в периоде трансформации, поэтому самым важным для теоретиков оказывается, во-первых, зафиксировать сам факт трансформации женской природы и, во-вторых, наметить возможные пути ее будущего становления, фундаментального перехода к новым историко-культурным перспективам.

В заключениях содержатся основные выводы, отмечаются элементы научной новизны и перспективные направления дальнейшего исследования природы женщины. К ним относятся: анализ генезиса гендерной природы человеческих отношений; включение понятия универсального женского опыта в конкретный национальный, классовый, расовый и т.п. контекст; отчетливая корреляция научного и идеологического в феминистских исследованиях проблемы природы женщины; обращение к преемственности, к определению историко-философских корней современной феминистской концепции женской природы.

Положения, выносимые на защиту.

1. Историко-философское исследование вопроса о природе женщины в западно-европейской философской традиции выявило потребность фундаментального переосмысления постановки данного вопроса в современных условиях. Изменившийся образ жизни и сознание женщины в XX веке, ее «выход» в открытое социокультурное пространство демонстрируют необходимость смены самой парадигмы философского рассмотрения вопроса о женской природе.

2. В западно-европейской философской традиции мыслителям было свойственно разведение вопроса о природе человека и природе женщины. Это проявлялось, во-первых, в местоположении данных во-

просов в теоретических концепциях: если проблема природы человека была отнесена к центральным проблемам философии, то природа женщины оказывалась в ряду проблем третьестепенных. Во-вторых, природа женщины определялась через категорию «особенность», «специфика», то есть как своего рода «отклонение» от «нормы» природы человека. В третьих, сам статус предметов рассмотрения был разный, поскольку «женщина» всегда оказывалась в статусе «другого», «объекта», в пределе «вещи», а не «личности».

3. Специфика современного этапа становления феминистской мысли состоит прежде всего в фундаментальной переориентации ее задач с достижения политико-правового равноправия женщины на универсальный пересмотр духовных приоритетов всей западной культуры. Данный пересмотр базируется на открытии социокультурного измерения пола - гендера, благодаря которому стало очевидно, что традиционный взгляд на природу общества, человека, культуры не нейтрален в половом отношении и что категория «гендер» должна быть осмыслена в качестве универсального инструмента анализа общественных явлений.

4. Современная теория феминизма представляет собой комплексный феномен, включающий в себя широкий спектр междисциплинарных исследований: философских, исторических, психологических, этнографических, культурологических и др. Она отмечена процессом активного взаимодействия с философскими направлениями Нового и Новейшего времени: марксизмом, фрейдизмом, экзистенциализмом, постмодернизмом. В процессе философско-типологического анализа основных подходов к решению вопроса о природе женщины обнаружилось, что *общим* для них является утверждение социокультурного содержания рассматриваемого понятия: природа женщины – не есть естественная константа, детерминированная биологическим строением

органов, это исторически подвижная форма социального бытия человека.

5. Анализ вопроса о природе женщины рассматривается в современном феминизме в русле общей задачи решения «всемирно-исторического парадокса культурной анонимности женщины». Устойчивой философской ассоциации, свойственной европейской традиции: «женщина – природа, мужчина – культура», в теории феминизма противопоставляется определение и разработка тех культурных перспектив, которые возникают в результате реализации возможностей женской природы. Проведенный типологический анализ позволил выделить три основные перспективы. Одна связана с идеей формирования в будущем андрогинного типа общества, то есть такого общества, где физиология человека, его принадлежность мужскому или женскому полу не будет иметь никакого значения в его социокультурном представительстве. Вторая ориентирована на идею создания женской «проекции» культуры в обществе, переживаемый кризис которого связывается, в частности, и с тотальным приоритетом односторонне-мужских ценностей. Третья имеет в своем пределе образ «новой истории», которая начнется тогда, когда женщина полностью разотождествится с инспирированным ей тысячелетней культурой взглядом на свою природу и идентифицирует себя сама в своем собственном языке.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Природа женщины. Екатеринбург: УралНаука, 1999 (11 п.л.).
2. Women's nature as a problem (Conceptions of feminism) // Sociological Research, March-April, 1999, Vol. 38, No 2. (1 п.л.)

3. Феминизм и постструктурализм о женском теле и женском письме // Женщина, гендер, культура. М., 1999 (0,5 п.л.).
4. Проблема природы женщины в концепциях феминизма // Проблемы философской антропологии и философии культуры. Екатеринбург, 1999. (0,9 п.л.)
5. Онтология гендера в философии Георга Зиммеля // Философия Урала: проблемы общей и социальной онтологии. Екатеринбург, 1999 (0,5 п.л.).
6. Социально-психологическое состояние российской женщины в контексте женской природы // Экономическая, правовая и духовная культура России на рубеже тысячелетий. Т.3. Екатеринбург, 1999. (0,3 п.л.)
7. Концепция гендера // XXI век: будущее России в философском измерении. Материалы Второго российского философского конгресса. Т.3. Екатеринбург, 1999 (0,1 п.л.).
8. Подъем женского самосознания как необходимое условие демократии // Россия и США на рубеже веков: состояние проблемы, перспективы. Материалы всероссийской конференции участников российско-американских программ научного обмена (Екатеринбург, 20-22 мая 1999 г.). Екатеринбург, 1999 (0,2 п.л.).
9. Гуманитарное мышление как экологическая проблема // Безопасность биосферы. Екатеринбург, 1999. (0,1 п.л.)
10. Природа женщины как философская проблема // Общественные науки и современность. 1998, №2 (1 п.л.).
11. Феномен русской женщины: литература и жизнь // Судьба русской женщины (круглый стол). Екатеринбург, 1998 (0,1 п.л.).

12. Какого пола был человек, природу которого изучала европейская философия // Женщина и культура. Альманах. Вып. 14. М., 1998 (1 п.л.).
13. Культурный потенциал женского мышления // Общество – образование – культура – юность. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 1998 (0,2 п.л.).
14. Феномен женского письма // Русская женщина -- 2. Женщина глазами мужчины. Екатеринбург, 1998 (0,4 п.л.).
15. Женщина в культуре: традиции и перспективы // Личность и культура на рубеже веков. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 1998 (0,3 п.л.).
16. Философия пола Георга Зиммеля // Преображение. 1998, № 6. (0,6 п.л.)
17. Идеология феминизма // Ценности и идеология в современной России. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 1996 (0,3 п.л.).
18. Феминизм и русская ментальность // Феминистская теория и Практика: Восток -- Запад. СПб., 1996 (0,2 п.л.).
19. Гендер и культура // Российская общественная мысль на рубеже веков. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 1995 (0,1 п.л.).
20. Преодоление морали или парадоксы нравственного искусства. М.: Знание, 1991 (В соавторстве с Лобоким А.М.) (3,5 п.л.).

Подписано в печ. 05.05.2000 Формат 60 x 84 1/6.
Печать офсетная. Бумага лпсч 2 а Зак. № 252
Уч.-изд. л. 2,44 Усл. печ. л. 2,5 Тир. 100

620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51. Типография УрГУ.